

ЕВГЕНИЙ
КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы
из старинного быта
Польши

Евгений Петрович Карнович

Шляхтич Кульчиковский
(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Ещё в Варшаве доходили до короля слухи о необыкновенных способностях пётрковских чиновников и адвокатов напиваться на славу, и так как из лиц, бывших при короле, не нашлось никого, кто был бы достоин сесть с этой целью за королевский стол, то Август приказал призвать к себе того из пётрковских обывателей, который считался самым опытным и самым сильным по этой части. Лестный выбор при этом случае пал на одного шляхтича по фамилии Кульчиковского, и он явился к королю...»

**Евгений Петрович Карнович
Шляхтич Кульчиковский**

Много бы можно было написать о тех весёлых и шумных попойках, которыми славилась старинная Польша; особенно они участвовали в правление королей саксонского дома, из которых Август II, союзник Петра Великого, отличался как богатырскою силою, так и страстью выпить через меру. Король имел много ревностных сановников по разным частям управления, но по части выпивки помогали ему с особым усердием в Саксонии фельдмаршал Флемминг, а в Польше каштелян Юзеф Малаховский. Но несмотря на громкую славу этих лиц, Август II нашёл соперника, с которым он, по собственному его сознанию, не в силах был тягаться.

Однажды, во время войны с Карлом XII, после какой-то победы, одержанной над шведами, Август II приехал в небольшое местечко Пётрков, чтобы председательствовать в тамошнем трибунале. Не столько заботы о войне, сколько жалобы и просьбы тех, дела которых рассматривались в трибунале, измучили высокого гостя, и чтоб забыть тяжесть правления король захотел выпить, но выпить по своему обычаю, т. е. не в одиночестве, а в со-

товариществе, достойном состязания.

Ещё в Варшаве доходили до короля слухи о необыкновенных способностях пётрковских чиновников и адвокатов напиваться на славу, и так как из лиц, бывших при короле, не нашлось никого, кто был бы достоин сесть с этой целью за королевский стол, то Август приказал призвать к себе того из пётрковских обывателей, который считался самым опытным и самым сильным по этой части.

Лестный выбор при этом случае пал на одного шляхтича по фамилии Кульчиковского, и он явился к королю.

Великорослый и широкоплечий Август II был неприятно поражён приземистым ростом, худобою и бледностью шляхтича, и сперва он подумал, что вероятно приказание его не было понято, а потом у него мелькнула мысль, что не осмелились ли нарочно прислать к нему, в виде поучения, не состязателя, а пример воздержности.

Король насупился и грозным голосом сказал Кульчиковскому:

– Ступай прочь, ты мне не нужен; ты видно сам не знаешь, зачем пришёл ко мне.

– Пусть только вашему величеству, – сказал тщедушный шляхтич, – будет угодно объявить мне свою королевскую волю, и при помощи Всевышнего и при моей безграничной преданности к особе вашей, она будет немедленно исполнена с должною точностью.

– Выпьешь ли ты гарнец венгерского? – спросил Август.

– Отчего же один, а не три, наияснейший государь?

Король смерил глазами с головы до ног шляхтича, который, надобно заметить, занимался хождением по делам в местном трибунале, и насмешливо сказал ему:

– Что же, любезный, или ты вздумал шутить со мной? Посмотри на самого себя: ведь тебя скорее можно положить в гроб, чем посадить за бутылки.

– Осмелюсь доложить вашему величеству, – сказал шляхтич, – у нас в Польше есть старая поговорка: не суди о женщине по цепцу, о коне по сбруе и о человеке по наружности. Вероятно до слуха вашего величества дошло уже, что все мы, обитатели Пётркова, с постоянным усердием следуем примеру, так

блистательно подаваемому вами, наияснейший наш государь и благодетель; но не хватаясь пред вами, – горделиво добавил шляхтич, – я смело могу сказать, что во всём городе нет никого, кто бы решился помериться со мною за бутылкой.

– Мы сейчас увидим, правду ли ты говоришь, – сказал король и приказал гайдуку принести свой любимый кубок, в который вмещалась кварта, налил его до самых краёв, выпил и передал законоведу.

Шляхтич, принимая кубок, низко поклонился и отвечал на королевский вызов тем, что выпил кубок, не переводя духа.

– Ну, это не дурно, – сказал король, – впрочем, и для меня самого это пустяки, а вот сколько вообще ты можешь выпить таких кубков?

– Расчёт труден; но если ваше величество позволит, то я дерзаю сделать следующее предложение.

– Охотно, говори смело.

– Высоко ценя честь, оказанную мне вами, наияснейший государь и благодетель, я желал бы за каждым таким кубком, вами выпит-

тым и конечно после того опрокинутым, выпить с ряду по три таких: один в ответ моему королю-государю, другой за драгоценное его здоровье и третий в честь победы, одержанной над шведами.

Королю весьма понравилось предложение шляхтича; он уселся с ним, приказал подавать обедать, и попойка началась.

Кубок переходил из рук в руки; шляхтич в точности исполнял сделанное им предложение, а между тем наступила ночь. Король, не вставая после обеда, положил локти на стол и склонивши на них голову захрапел на всю комнату. Между тем Кульчиковскому всё было ни по чем. Правда, увидев спящего короля, он вышел на цыпочках из комнаты, чтобы не прервать спокойствия своего державного собеседника, твёрдыми шагами дошёл до колодца и велел вылить на себя два ушата холодной воды, а потом, выпив ещё кварту за здоровье короля, возвратился домой.

Пить за здоровье короля не мешало, потому что после описанной здесь попойки он хворал целые три дни, жалуясь на непомерную тяжесть в голове; а между тем адво-

кат-шляхтич на другой день внёс бывшее у него дело в трибунал. Все в городе только и говорили о той высокой чести, которой он удостоился, и Кульчиковский всюду находил защитников своей тяжбы; она была выиграна, и обрадованный шляхтич пил снова за здоровье короля.

Но наконец наступила тяжкая пора и для Кульчиковского. Любимый баловень побед, Карл XII, успел восторжествовать в Польше над своими союзниками и победоносно занял Пётрков. Карл XII в отношении образа жизни составлял совершенную противоположность с Августом II, и поэтому, как в видах исправления шляхтича Кульчиковского, так и в наказание за то, что он пил за победы, одержанные над шведами, Карл XII, облагая контрибуциею завоёванный им город, приказал взять в казну свою с адвоката Кульчиковского сумму, равную стоимости четырёх самых больших бочек токая, что составило, по тогдашнему счёту, огромную сумму.

Хотя при последнем короле польском знаменитые попойки и стали было выходить из моды, однако любителям их они не ставились

в укор, и по этой части славились в то время генерал Конаржевский, гетман Браницкий и каштелян Борейко.

Однажды, в присутствии короля Станислава Августа и известного польского историка епископа Нарушевича, зашла речь о старых польских обычаях и коснулась попоек.

Один из участвовавших в разговоре, желая сказать приятное королю, заметил, что пример воздержания, подаваемый его величеством, весьма много послужил к искоренению этого обычая.

– Правда, – заметил Нарушевич, – теперь у нас уже не то что было при Сасах (так называют по-польски королей из саксонского дома), но и в настоящее время я, среди моих ближайших подчинённых, имею такого, который бы одолел известного некогда шляхтича Кульчиковского: это один дальний мой родственник. И епископ назвал его по имени.

Король и окружавшие его просили епископа познакомить их с такою знаменитостью, и в назначенный день "родственник" был приведён в королевский дворец. Тучность его, заплавающие глаза, красный нос, багровые щёки

и хриплый голос заранее предупредили всех в пользу его, и действительно искусством петь он возбудил всеобщие рукоплескания и за подвиги свои получил значительную сумму, которую подарили ему присутствовавшие, а в числе их и сам король пожаловал бернардину 100 дукатов из собственного своего кошелька.